

БАСНИ.

Предисловие

Не видел в баснях я, ну ничего такого,
Доколе не прочел я дедушку Крылова,
Все в книжице в одной: и то, что дети знают,
И что в издания его обычно не включают.
(Конечно там про Бога и царя,
Марксисты беспокоились не зря,
А нынешним до них какое дело?
Теперь уж напечатали все смело).
Так вот. Утешило меня его творенье,
Ум зоркий, легкий стих и меткие сравненья,
И мудрость дедова, и искренняя вера,
И даже в колкостях всех выдержана мера.
Я музыкой его пленительных стихов
Понаслаждался много вечеров,
И под конец всего его прочтенья,
От музы, от его, мне было посещение.
Эзоп, и Лафонтен, и сам Крылов –
Непревзойденное блистанье метких слов,
И добрых нравов проповедь живая,
А я лишь эпигон, судьба моя иная,
Но ради жизни жанра я решился,
Хоть малость повторить. Быть может, осрамился
Я где-нибудь, но пусть меня простят
Читатели, не слишком укорят
За целый ряд технических огрехов,
Зато я поделюсь хоть с ними добрым смехом.
Пусть станут оправданием поэту
Почти оригинальные сюжеты,
Не Лафонтеновы, а те, что под ногами,
Спокойно мимо них мы все проходим с вами,
И замечаем вольно и невольно.
Сего для предисловия довольно.
Да вот, забыл: тут может показаться,
Как будто автор начал Зевсу поклоняться.
Оставьте! Нету здесь язычества дурного,
Я это перенял у дедушки Крылова,
Законы жанра я пытался соблюдать,
Да третью заповедь поменьше нарушать.

Два лягушонка

Два лягушонка темною порой
В колодец прыгнули с холодной водой.
Они, конечно же, хотели не мучений,
А попросту искали приключений
И для начала вволю искупались,
Пока за ум, за свой лягушечий не взялись
И поняли, что здесь для них беда,
И выхода уж нету никуда,
И пищи нет, одна кругом вода.
Встать не на что, а значит, полоскаться,

Придется до тех пор, как с жизнью им расстаться,
Однако ж, дотерпели до утра.

А поутру пришел с ведром мужик.
Увидев лягушат, ругается на них:
"Вам жить что ль надоело, пострелята?
Иль места не хватило для затей,
А ну, в ведро мое ныряйте поскорей,
И впредь не попадайтесь, лягушата!"

"Спасайся, брат, - кричит один пловец, -
Нас на обед к себе зовет этот хитрец,
В сметане чтоб зажарить и подать,
Но пусть сперва попробует поймать".

И ловко увернувшись от ведра,
Нырнул меж бревен, где была дыра,
И там притих.
А друг его меж тем
От страха и воды уже и глух, и нем,
Притом, однако, он в своем уме
Так думает: "Конечно, страшно мне,
И риск притом велик, но все же
В колодце утонуть совсем не гоже.
Доверюсь мужику, быть может, не обманет,
Он вроде не француз, так есть меня не станет,
А коли смерти избежать уже не можно,
Так хоть бы побыстрей и чтоб не слишком сложно".

Мужик меж тем счастливец зачерпнул,
Поднял и выпустил. Тот из ведра шмыгнул,
На травку плюх, не может отдышаться,
На белый свет налюбоваться.
"Спасибо!" – мужику едва он прохрипел.
(Проквакать уж не мог, замерз и нахлебался).
"Не для того колодец я копал, -
Мужик в ответ, - чтоб ты в нем околел,
А чтоб с водой он чистой оставался,
Ступай себе, коль в случай ты попал".
И лягушонок жил. Нашел себе подружку,
Веселую, проворную лягушку,
С ней вывел лягушат и всем им заповедал:
Воды с колодезя отнюдь никак не пить,
И впредь к нему совсем не подходить.

А что ж его дружок? – О том он не проведал.
Дней через пять уже, в колодце том
Он кверху брюхом всплыл и тем же мужиком
Был выловлен и выброшен с презреньем,
Оставив в басне памятник неверью.

Друг, не за тем тебя в мир Бог пустил,
Чтоб в этом мире ты потоплен был,

И коли в яме ты, - то по своей лишь воле.
Не гибни в ней, не оставайся боле,
От Бога убежать – сомнительная честь,
Лишь верою из ямы выход есть.

Рамадан в посту

Пост мусульманский рамадан
Изменчив в своих сроках по годам:
То летом попадет, а то зимою.
Их лунный календарь тому виною,
Что год у них короче нашего. Так вот,
Однажды вдруг такой случился год,
Что Ураза-байрам попал в Успенский пост
И меж религий перекинул как бы мост.

Приятеля два на работе были,
И меж собою долго говорили.
О чем же? – мне, признаться, дела нет.
А звали их Василий и Ахмет.
Вот под вечер, захваченные спором,
И деловым каким-то разговором,
Зашли они в буфет перекусить.
Тут вспомнил Вася, что себе спросить
Не все он может. А Ахмет – тем паче:
Терпеть собрался до звезды - и не иначе.
(Положено у мусульман не есть, не пить,
Покуда тонкой нити черной
От белой ты не сможешь отличить).
И оба, каждый вере своей верный,
Не много знают, мало могут рассказать,
Но уж посты стремятся соблюдать.

Вот плюхнулись за стол, и натурально,
Речь завели о том, что более похвально.
Пока с картошкой Василий разбирался,
Ахмет его наставить постарался.
"Смотри, твой пост, - витийствует Ахмет, -
Всего лишь смена вкусных двух диет.
От мяса ты сейчас остережешься,
А чрез неделю досыта нажрешься
Свиной жареной и водочкой запьешь!
И праздник свой в нечестье проведешь.
А кабы ты весь день терпеть учился,
То все же так бы в праздник не срамился.
К тому же вам пора определиться:
Коль вас Христос простил, зачем же вам
поститься?"

Тогда в ответ Василий слово взял,
Салатик уминая, так сказал:
"Постимся мы отнюдь не для прощенья,
А больше, так сказать, для обучения.
И много ль видел ты, как соблюдавший пост

На праздник всякий грех сквозь чрево свое внес?
Пьют и блудят, кто Бога презирают,
Они-то никаких постов не соблюдают,
А вы от них ушли недалеко
От утра до зари ведь потерпеть легко,
Когда под вечер стол от яств ломится,
Когда разрешены баран и молодича,
И все вообще, кроме одной свинины,
И всяку ночь справляешь словно именины."

И вот пошел у них о вере разговор.
Ахмет-то голоден, гляжу: пылает взор,
Язычником дразнит Васятку, бесит,
А Вася тоже за словом в карман не лезет,
Ругает и Коран, и шарият,
Куда меж них девался прежний лад?

Я подошел к ним от соседней стойки:
"Друзья мои, хоть речи ваши бойки,
И тема тоже очень не проста,
Но вы тем только Богу угодите,
Когда - хоть ради общего поста –
Друг друга вы сегодня не съедите!"

Читатель, много мне пришлось перенести,
Чтоб эту мысль до братьев донести.
Рядятся о материях высоких,
Начавши спор от жареной свиньи,
И так экстраполируют они,
Что уж от веры распугают многих.
А кабы лучше знал, что хочешь ты ругать,
То смог бы свою веру отстоять
Без ругани. И этого Ахмета
Скорее довести до Нового Завета.

Два хохла

С теперь уже далекой Украины
Какою-то неведомой судьбой
К нам в Новгород пожаловал детина,
Хохол, так скажем, хлопец молодой.

Хохол. Я не ругаюсь этим словом.
И украинца так я назову
Не всякого, а лишь того, кто в их ученье новом
Воспитан, что во сне и наяву
Проблема и беда у них одна:
Лишь к северу лежащая страна.

Вот мой Тарас как раз таков и был.
Украин-знавство он весьма любил,
И вот, каким-то ветром занесло
Его к нам, в новгородское село.

Проехав там и сям, он в самом Новограде,
Пристроившись в каком-то ресторане,
Убранном под седую старину,
Имел беседу важную одну.
А собеседником случился там детина
Музейно-просветительского чина.
Вот парой слов случайно обменялись
И тут же оба сразу догадались,
Что оба знают об истории Руси.
Ну, тут уж пощады не проси –
Сцепились накрепко в словесной перепалке,
Благо ни времени, ни слов на спор не жалко.

Ведь Новгород и Киев – две главы
Софии две в истории равны,
Но спорщикам хотелось разобраться,
Кому достойней Русью называться.

Буслаев Вася (так его назвал
Я, чтобы спрятать подлинное имя)
Хохлу, конечно, тыл не показал,
Чтоб помнил наших он еще поныне.
Тарас культурен, он не горячится,
Российской мовою умеет объясниться.
Вот спорят: чья была превыше слава?
Владимира делят и Ярослава.
Тарас, чтоб показать их без бород,
Две гривны из кармана достает.
И сокол Рюриков хотят растолковать:
Откуда и куда ему летать.

И вот уж обстановка накалилась,
Ан смотришь: нет, единство вдруг явилось,
Когда до Грозных двух Иванов добрались,
И хором же честить их принялись.
Нашли и повели преступников до ката:
Во всем Москва осталась виновата!
Вот, кто нас раздавил! – И нас, конечно, тоже!
В прокрустово свое вгоняя ложе.
Европа – мы! – А мы, скажи, Ганзея! -
Шумят приятели, легонечко пьянея.
(А на столе у них стояла медовуха:
На вкус всего лишь квас, а хлещет в ум да в ухо!)
Тарас с Васяткою мои на брудершафт
Той жидкостью брататься уж спешат.
И разговор у них на всю подвальну залу,
Прислушивались к ним мало-помалу.

Их вдруг прервал не князь и не боярин,
Какой-то пожилой и вежливый татарин
Им так сказал: "Никто не возразит,
Моя Казань Ивана-то не чтит,
И век его обиду помнить будет,

Но злобу старую безумный лишь разбудит.
История сложна, но беды вековые
Безумно превращать в решенья роковые.
Вот вместе были мы, и я скажу: едва
Объединить могла бы нас Москва,
Когда б без воли Вышнего то было!
Скажите: ну какая же в ней сила,
Что Киев, Новгород, Казань ей покорились?
Знать Божии суды на том явились.
А Новгород, и Киев, и Варшаву
Смирила гордость их, - ведь Богу не по нраву
Терпеть и от людей такую спесь,
Которую и ближним их не снести.

И что же? Разбредемся по квартирам?
И кто же нашим править будет миром?
Что центром станет крепости и славы:
Коль не Москва, так, стало быть, Варшава?
Так было б пять веков назад, а нынче хуже:
Разбредшись врозь, окажемся мы в луже.
Тарас, я не завидую тебе,
Хотя бы ты и рад своей судьбе.
Кричали вы: Европа да Европа,
А вышло, что Европина вы ж...
И ты, Васятка, не бери примеру,
Свой Новгород люби, да только в меру.
И то скажу: во избежанье зла
Не корчи новгородского хохла!"

Мой вывод тут, скажу, и прост, и ясен:
Я полностью с татариним согласен.
И в Новгородской нашей стороне,
В ее истории и быте любо мне
Все самобытное. Ну право же, поверьте,
Живу, можно сказать, в славянской я деревне,
И много раз бывал на Украине,
В музее Киевском, в просторной той долине,
Где хаты, мельницы, и церкви, и корчмы
Хранят невидимо преданья старины,
И та навек мила мне сторона,
Что сохранить смогла она одна.

Мы – разные. Нас много, нам не тесно.
Но коли врозь пойдем – в одно прибудем место:
Вражда и рабство, бедность и погибель.
От этого – избави нас, Спаситель!

Новый русский на суде

Все знают: на земле никто не вечен,
И век наш преходящий быстротечен,
И часа своего никто не знает,
Хоть много лет себе и отмеряет.

Вот новый русский богатей,
Средь бизнесных хлопот и всяческих затей,
Предстал на Божий суд, оставив все земное,
А накануне, уж в могиле стоя.
Он Библию читал, евангельское слово
Про богача и Лазаря больного.

В притворах вечности – там кто ж не содрогнется?
Богач ни жив ни мертв, молитве предается.
И вдруг к нему выходит ангел света
И за руку уводит для ответа.

И книгу раскрывает для прочтения.
Богач наш бедный охнул: там именья
Его все переписаны со тщаньем,
И документом все нотариальным
Подтверждено до тонкости. – О, Боже!
Неужто отвечать придется тоже?!

Вот эту опись как-то безучастно
Наш ангел проверяет.
"Вы согласны, -
Он говорит, - что это ваше диво?
Вот дача на Канарах, что, красива?"
И купчая в руках его мгновенно
Вдруг предстает картиной красивой.
"Вот яхта, самолет, - все ваши тоже?"
Глас ангела богатого тревожит.
И тут, кивая, вдруг набрался сил.
И ангелу Господню возразил:
"Да, то мое, - сказал он в оправданье, -
На время краткое сбылись мои желанья,
Я кой-чего скопил по мере сил,
Но никого я тем не оскорбил,
Не грабил никого, платил налоги,
Кормились от моей трапезы многи,
А сверх того на церковь я давал,
И фонд благотворительный держал".

"Да знаю я, ты вроде жил пристойно, -
Тут ангел отвечал ему спокойно, -
Ведь я не люмпен, чтоб воспламеняться
И на твои богатства возмущаться.
Богаче я тебя, – ты веришь ли сему?
Я удивился бы, пожалуй, одному:
Как после виданных тобой земных чудес
Понравится тебе и Царствие Небес?

Сей анекдот ведь я не сам придумал,
Прочел в газете, а потом подумал:
В оригинале он как будто бы смешон,
Да пролетарской завистью сложен.

Хотели в нем унизить богача,
А тему важную подняли сгоряча.
Пусть он и честен был, да разве в том беда,
Коль о небесном он не думал никогда,
Благами пользуясь и на свои гуляя,
Вниманья на Творца не обращая.
И даже миновав судебное оправданье,
Найдем ли мы тогда очарованье
В блистанье райской Божьей красоты?
Подумаем заранее я и ты.

Мартышка на суде (политическая басня)

Мартышка сдуру иль по молодости лет
В медвежий как-то плюнула портрет,
Но пакости такой ей показалось мало,
Она и в статую Юпитера попала.

Мартышку хватъ Барсук за драный хвост, -
И в миг к Медведю на помост.
Медведь был князь, но он не злобный зверь.
Хотел ей дать пинка и выбросить за дверь,
Но в этот раз не вышло: тот портрет
Был выставлен Совою в Интернет.
Пока Мартышка на него плевала,
Сова ее на камеру снимала.

Поднялся крик тут сразу на весь лес:
Ведь это – оскорбление Небес.
Пороть преступницу! Сажать ее! Казнить!
Но прежде надо ж по закону осудить,
А в кодексе того лесного края
Отсутствует совсем статья такая.
Вот общество тут стало соображать,
Как прецедент в истории сыскать.

Когда еще Орел тем лесом правил,
Такой же случай был, и он тогда направил
Виновницу- старуху Обезьяну
С прощеньем на ее домашнюю поляну.
Орел себе такое позволял.
Любили там его, но власть он потерял.
Медведь наш не Орел, не тех он благородий,
Но и ему беда от тех лесных отродий.
И коль огласки здесь не избежать,
Пришлось и суд, и дело наряжать.

"За хвост – и об забор!
И весь тут приговор, –
Воскликнул серый Волк (он был там прокурор), -
Какое надобно ж иметь долготерпенье,
Чтобы сносить такие поношенья!"

И жрец Юпитера старик Хамелеон,
Как пострадавший был туда же приглашен.
Так молвил: "пусть, конечно, суд решает,
Насколько это нравам общества мешает,
Но я бы эту гнусную Мартышку
Упек по самую, по самую покрывку".

За адвоката там была Лиса,
Она уж в долгие пустилась словеса.
"Помилуйте, - витийствует Лисица, -
Моя ведь подзащитная сестрица
Так молода и так неосторожна,
Что пожалеть ее, пожалуй, можно.
Ее поступок мы, конечно, не одобрим,
Но лишь простив ее, Юпитера задобрим.
Ее ведь выходки сродни ее природе,
Так в обезьяньей принято породе:
У них ведь это даже род искусства,
Ну, проявите ж доброе к ней чувство!"

Сова была свидетелем защиты.
"Ах, полноте, мы здесь не лыком шиты,
Здесь милосердия никто не понимает,
Не правду здесь, а силу уважают!
Виной всему – медвежья держава,
Недаром по миру о нас худая слава!" -
Так ухает Сова. Медведь сидит и пишет,
И выкриков Сова он будто и не слышит.
Сова ко Льву ведь давеча летала
И крошки со стола его клевала.
А на Медведя Лев давно уж зубы точит.
Поэтому Сова-то и пророчит
По наглomu: "Мартышка – героиня!
Ей памятник поставить нужно ныне!
Что нашу грубость она смело обличала,
И вот за то в тюрьму она попала".

И все молчат. Сурок тут закричал
Не слишком-то цензурно, сгоряча:
"Чтобы мартышкам впредь не дать потачку,
Сову скорей поймать и дать ей в пачку,
А лучше бы ногой, чтоб ей подольше снилось,
И с нею не вступать в дискуссию про милость!"
Уж тут Барсук Сурка за шиворот схватил,
Да вон из зала так и потащил.

А под конец Мартышке слово дали.
Она, наученная хитрою Лисой,
Сказала так: "Мы попросту играли,
Ребячились с подружками порой,
А шутки у святых бывают тоже,
Юродивые мы, на них похожи,
А таковых, хоть словом и осудят,
Да уж ремнем по заднице не лупят".

Судья Енот подумать удалился.
"Эх, тут Медведь, а там сидит Лисица,
Что скажут? Да проклятая Сова,
Всей этой мафии незримая глава.
И чья возьмет, еще и неизвестно,
Противное судейское ты место!
Как быть, чтоб мантия с меня не уплыла?"
Подумал... "Эх, была и не была..."
Выносит приговор, забыв про Интернет:
"Считать, пособников у сей Мартышки нет,
Ответу подлежит она одна,
Крапивой задница ей будет надрана".

И вот под улюлюканье волчат
Мартышке порют красный голый зад,
И ей сочувствует весь просвещенный свет,
Сова же выставляет в Интернет,
Снимает видео и думает пока:
"Эх, как бы мне добраться до Сурка!"

Как посмеетесь, я скажу мораль:
Медвежье царство – вот чего мне жаль.

Медведь молится

Медведь однажды, не жалея сил,
О лесе, о своем Юпитера просил:
"О, Громовержец, милостив нам буди,
Грехи наши безумные забуди,
Пролей на нас твое благословенье
И всякой твари даруй насыщенье!
И в меру дождь и солнце нам подай,
Пусть вырастет у нас богатый урожай.
Когда в моем лесу все будут сыты,
И слабые от сильных не забыты,
И утолится всяка жадна пасть,
Тогда крепка моя пребудет власть,
Что дал Ты мне над лесом.

И роптанье

Изгонится навек всеобщим процветаньем.
А то ведь мои силы уже тают,
Смотри, как звери все меня ругают,
Почти что должником своим меня считают:
Крутись, Медведь, ты должен то и это,
Что обещал нам выдать прошлым летом!
И как-то очень скоро все забыли,
Как при Шакале-регенте здесь жили,
Когда заморский Лев тут ввел свои порядки,
А лес наш обирал, как собственные грядки".

"Сынок мой дорогой, - Юпитер отвечал,
Твой лес Я очень даже привечал,

Но ты, наслушавшись народного роптанья,
И сам не перейди ему на подражанье.
Косули, зайцы, лоси разжирили
В княжение твое – и обнаглели.
Все видят: у тебя все выпарапать можно,
Вот и скулят себе притворно, ложно:
Голодны мы, мол, нет у нас свободы,
Подай, Медведь, нам пищу, воздух, воду!
А волки, лисы, - те уж, откормясь,
Берут оброк с зайчишек не спросясь.
Вот дал я урожай богатый обезьянам,
Они, наевшись досыта бананов,
В тебя ж с деревьев шкурками кидают,
Поносят и галдят и гнусно обзывают.
Ах, далеко не всем полезна милость,
А многих очень даже портит сытость!
Но знай: услышал Я твое моление,
И будет вскоре лесу посещение,
Коль по-хорошему они не понимают,
Теперь Мою пусть силу испытают.
Все будет: мор, потоп, пожар и холод,
И голод.
И вспомнят, Мишенька, тебя в своем совете,
И хоть на этот раз не будешь ты в ответе.
К загравкам жирным Мне придется прикоснуться,
Тогда, авось, они еще очнутся.

Мораль проста, чтоб объяснить на пальцах:
Не для Медведя басня, а для зайцев,
Для жирных лис, волков, конечно, тоже,
И лишь мартышкам она, видно, не поможет.

Бедняк и червяк

На белом свете жил один бедняк.
И нищета его достала так,
Что, право же, тут впору утопиться,
Повеситься иль застрелиться.
Вот в поле наземь грянулся бедняк,
Лежит и плачет. Смотрит: вдруг червяк
Из норки из своей проворно выползает,
И носом к носу бедолаге возвещает:
"Ну, что ты плачешь, друг! Твоя беда
Отхлынет, словно вешняя вода,
Быть может, и с тобой... Да что такого?
В конечном жребии нет выбора иного.
Худеть, толстеть, роптать или смириться,
А в землю все одно придется возвратиться.
И хоть один всю землю займешь,
На ней ты вырастишь лишь пищу для червей.
И все, что сделают людишки на земле,
Достанется друзьям моим и мне.
И сами мы пойдем на корм своим червишкам,
Так разумею я своим умишком.

Богат ли беден кто, - все в этой жизни просто:
Лишь непрерывный оборот компоста,
А остальное – суета сует,
Как среди вас сказал один поэт.
Счастливее мы вас, как ни судите:
Ведь мы вас всех съедем,
А вы нас не съедите.
Не радуйся, мой друг, не унывай,
И сердце ни к чему не прилагай!"
Так философствовал малюсенький червяк,
И вдруг от слов его опомнился бедняк:
"Ну, друг мой дорогой, спасибо за совет!
Понравился мне твой червячий культпросвет.
Конечно, бед ко мне свалилось много,
Но потерплю для кой-чего другого.
Ты хорошо смиришь любое возношение,
А все же у людей повыше назначение!"

Не так уж глуп, кто жизнь свою живя,
Достигнет философии червя
И перестанет ревностно копить
То, что червям придется лишь скормить.
Но тот, кто в Боге вечность обретет,
Тот философию червячью превзойдет.

Медведь-миссионер

Медведь (я не пойму, каким манером)
Назначен был в лесу миссионером.
Сам Слон Топтыгину все нужное вручил
И толстым хоботом его благословил.
Все знали: Миша ревностен и строг,
Читает книжки (даже между строк),
Умеет постоять за истинную веру,
А значит, все его последуют примеру.

Слон через год гонца к Медведю шлет
И вызывает его, значит, на отчет.
С собой Медведь привел свою общину:
Двух зайцев и осла, толкая его в спину.
И говорит: "Ну что ж, дела идут успешно,
Хотя бывают трудности, конечно.
Осёл, вот, ранее исламом увлекался,
А заяц медитировать пытался.
За этим делом я их как-то раз поймал
И в уши длинные всю правду втолковал.
Неважно, что дней пять их уши красны были,
Зато весь мой урок они не позабыли,
Теперь – благочестивые ребята".
Слон говорит: "А что ж их маловато?"
"Да что с того, - тут Мишка отвечает, -
Народ у нас тупой, Писания не знает;
Я всем им говорю бесхитростно и честно,

Что каждому из них в аду готово место,
И если не идут на покаянье,
Самим себе готовят наказание.
А что за наказание – я отчасти,
Могу и показать, когда в моей то власти.
Не правда ли, Осёл?" – Осёл в ответ кивает.
Тут Слон свою ошибку понимает:
"Эх, Мишенька, скажу тебе, как другу:
Ты вере оказал медвежью услугу!"

Пастух и сто овец

Церковности ревнитель, милый брат,
Боюсь, что ты не слишком будешь рад,
Коль притчу старую скажу на новый лад.
Уж ты меня прости. Быть может, пригодится
Тебе и эта странная страница.

--

Жил-был пастух и сотня с ним овец,
И поступал он с ними, как отец.
Но как-то раз они вдруг испугались
И по полям все дружно разбежались,
А может белены какой-то съели,
И вдруг все сразу точно одурели.

Осталась лишь одна, и та
И ни жива, и ни мертва.
Вот говорит ей Пастырь: Я пойду,
И всех их соберу, и к дому приведу,
А ты останься здесь, в своем хлеву
И жди, пока приду и позову.

Но с этою овцой и вправду приключилось
С головкой что-то. Как она взмолилась,
И ну кричать, и блеять, и метаться,
И даже пререкаться:
"Нет! они сами все объелись и сбежали,
И милости твои навечно потеряли!
И много чести их ходить искать,
Пусть сами приползут с неложным покаяньем,
Тогда ты и решишь: их стоит ли прощать,
Или сперва подвергнуть испытаниям.
Сама я побегу и посвищу,
И волю твою всем им возвещу,
Я им скажу, какие они твари,
Что так вот небрегли о щедром твоём даре".

И вот, сорвавшись с привязи, бежит
Моя овечка в поле и кричит
Все, что задумала. А Пастырь говорит:
"Иду! Овец найти, быть может, и не сложно,
Но эту убедить, - боюсь, что невозможно".